

КРЫЛАТОЕ ВЫМИРАЮЩЕЕ

Естественно приходит мысль о литературной критике. Иногда мне кажется, что критик в западном мире почти полностью потерял возможность и способность выразить свою личность, то есть свои субъективные взгляды на литературный объект. Быть может, он уже находится на том уровне не-свободы, на котором был его коллега эпохи соцреализма, вынужденный всегда давать «объективную», то есть партийную, оценку литературной штуки. С очень небольшим исключением литературная критика в Америке становится как бы продолжением все того же «агрессивного маркетинга». Публики больше заботит не содержание рецензии, а место ее расположения в еженедельнике. Однажды я целый день принимал поздравления по поводу того, что рецензия на мою книгу была напечатана в левом верхнем углу одной из страниц...

Поражает почти полное отсутствие литературных полемик, столкновений между различными эстетическими направлениями. Полноте, о каких это направлениях я говорю? Их больше не существует. Странное, обескураживающее состояние ожирения и застоя. Не думаю, что американскому критику нечего сказать от первого лица, однако вся наша еженедельная практика показывает, что это «первое лицо» задавлено почти окончательно. Мы уже не ждем от критики художественной литературы ни откровений, ни скандалов.

При всех этих обстоятельствах не удивительно, что молодое поколение писателей демонстрирует такие скромные признаки жизни.

Это совсем не значит, что в США иссякли таланты. Я работаю со студентами в рамках одной из бесчисленных американских программ «творческого письма» и каждый год обнаруживаю несколько дерзких перьев, способных бросить вызов современной литературе. Вступая, однако, на профессиональную дорожку, молодые писатели входят в мир колоссального прозинциализма, жестких классификаций, в довольно тошнотворный мир «книжного производства». Литературные агентства при всех их донкихотских намерениях указывают молодому писателю быстрейший путь к полной коррупции. Забудь о своих эгоцентрических амбициях, привыкай к серьезному миру больших башлей. Какого черта ты мечтаешь побить Фолкнера, его больше нет на сцене, побей Стива Кинга! Какие еще пощечины общественному вкусу, когда твоя главная задача — угадать вкус потребителя и подставить ему свою щеку! Забудь о Плеядах, присоединяйся к гильдии.

В ПРОЧЕМ, Плеяды. Они все-таки есть. Есть увенчанные наградами общества «мудрецы и поэты», горсточка «высокобровых» периодических изданий, авторы, претендующие на продолжение великой традиции. Есть университетские издательства, не очень пекущиеся об «агрессивном маркетинге». Есть остатки литературной богемы в Нью-Йорке. Есть, наконец... ну, конечно, есть же, не заглохли же все родники в этом мире, воскликнем мы с деревенским пафосом, есть все-таки еще, по всей вероятности, не могут же все вдруг в одночасье пропасть, имеются еще некие одиночки, независимые умы, свободные души, способные к отрыву от земли, то есть к вдохновению... Короче говоря, есть же все-таки альтернативный мир в обществе потребления, если уж он был даже в обществе истребления.

Да, он есть, скажу я, однако, взявшись уже за излияние желчи, не остановлюсь добавить, что и в нем, в этом мире предположительной альтернативы, мы то и дело сталкиваемся с примерами извращения личности во имя групповых, клановых, идеологических или творческих интересов.

Любопытно, что там, где мы иной раз предполагаем найти сильную и неповторимую творческую личность, мы на самом деле сталкиваемся с выражением настроений и вкусов группы тесно сомкнувшихся личностей, то есть коллектива. Такая группа вполне успешно, или в высшей степени успешно, может заниматься, скажем, мифотворчеством, чтобы не сказать — надувательством почтеннейшей публики.

Существует, к примеру, некий вполне середняковский писатель, которому когда-то повезло, как американцы говорят, оказаться «в верное время в верном месте». В этих местах, не столь отдаленных, он приобрел ореол одинокого романтика и наследника великой плеяды. В дальнейшем этот человек с удивительной для романтики расторопностью укрепляет и распространяет свой миф. Происходит это в результате почти электронного расчета других верных мест и времен, верной комбинации знакомств и дружб. Возникает коллектив, многие члены которого даже не догадываются о том, что они являются членами, однако считают своей обязанностью поддерживать миф нашего романтика.

Стереотип гениальности живуч в обществе, где редко кто, взявшись за чте-

ние монотонного опуса, нафаршированного именами древних богов, дочитывает его до конца. Со своей свеженькой темой о бренности бытия наша мифическая посредственность бодро поднимается, будто по намеченным заранее зарубкам, от одной премии к другой и наконец к высшему лауреатству, откуда ему только уже и остается, что втиснуться в синклит богов, то есть собственных героев. Здесь он царит, изрекает банальности типа «любите книгу — источник знаний», устраивает подголосков, пресекает скептиков, являет собой идеальный пример превращения «я» в «мы», торжества коллектива над личностью.

Коллективное сознание сегодня, увы, проявляется не только столь жалким мафиозным способом, как упомянутый выше, но и в более развернутом, едва ли не академическом виде. Рухну на Востоке, оно в который уже раз возрождается на Западе: коммерчески — в книжных магазинах и на киностудиях, интеллектуально — в последних прибежищах свободного духа, университетских кампусах. Изыскания идеологизированных ученых подводят общество к грани нового тоталитаризма. Теории так называемых «де-элитизации» и «де-конструкции», по сути дела, утверждают низкий середняковский уровень искусства, активно подрубают все, что так или иначе вносит разнообразие в пейзаж. Странным образом эта академическая доктрина играет на руку халтурщикам, заполняющим книжные полки драг-сторов. Трудно не задаться вопросом: почему независимые умы, эти предположительно кораблики индивидуализма, столь охотно швартуются к железобетонному блоку стереотипа? Может быть, я не ошибусь, сказав, что мы все, члены академической и литературной общины Запада, включая и отщепенцев Востока, так или иначе были затронуты странным феноменом «левой цензуры», основанной на пресловутом принципе «политической правильности». Что касается распространявшихся сейчас теорий антигетеризма, мультикультурализма, сексизма и афроцентризма, то они парадоксальным образом вызывают у меня в памяти кампанию борьбы с космополитизмом, проводившуюся сталинскими аппаратчиками в конце сороковых — начале пятидесятих годов.

Нам, старым «русским мальчикам» с нашими так любовно взлелеянными в зоне анархических рефлексам, трудно поддаваться на все эти приманки,

ведь мы склонны не верить даже телевизионным рекламкам Макдоналда.

Г АРМОНИИ, очевидно, не будет никогда. Личность всегда будет расшибать нос в логических тупиках и с визгом бросаться за примочкой в аптечку, где и все общество стоит за примочками к носу. Абзацем выше, желая сказать «я», я произнес «мы». Кто-то из «них», то ли Маркс, то ли Ленин, сказал, что человек — это «общественное животное». Но мы не животные, сукин сын! Мы ошастливлены или обесчещены даром творчества. Пережив развал одного коллективного сознания, мы, битые шкуры... простите, я опять ишу свою мафию... итак, я, битая шкура, с подозрением взирю на рост нового коллективного сознания. Губительно оно или полезно? Можно ли его предотвратить и нужно ли предотвращать? Возможен ли такой парадокс, как общество индивидуальностей?

Плохие диагносты, мы прежде всего не можем определить подлинное происхождение своей сути, своего ядра, не можем угадать пропорций ангельского и демонического. Столь же поверхностны мы и как терапевты, ибо нам непонятна даже такая задача, как соотношение личности и общества, а ведь мы догадываемся, что это всего лишь один небольшой тупик из множества других, еще более мучительных. И только лишь условившись дать себе поблажку, мы можем сказать несколько более или менее определенных вещей.

Коллективное сознание может быть благотворным для большого бизнеса, политического (коммунизм) или коммерческого (книжная торговля), однако оно губительно для малого бизнеса, которое называется «творчеством». В этом скромном и уединенном деле человеку, кем бы он ни был, поэтом или владельцем бакалейной лавки, приходится апеллировать к своей сути, жаждать экстремальной индивидуалистической акции, именуемой вдохновением, взрыва личностной свободы.

Трехдневная августовская духовная революция в России была не чем иным, как чудом массового индивидуализма, ибо каждый из многомиллионных масс в эти дни должен был принять свое личное решение, юноша ли с трехцветным флагом на баррикадах, танкист ли внутри своего бронированного чудовища, пенсионер ли в толпе, прикрывавшей собой российский парламент, то есть противостоящий почти неминуемо-

му избиению. И вот произошло немислимое соединение единоличных творческих актов в общий творческий акт, опьянение свободой.

Подобные чудеса, однако, — это исключительная историческая редкость, а в обычном поступательном движении современной суперцивилизации все чаще возникает вопрос: нужна ли кому-нибудь твоя или чья-нибудь еще творческая суть?

В суперцивилизированном, компьютеризированном, почти полностью уже классифицированном и калькулированном мире возникает новый плебс, одержимый самоудовлетворением и дешевым гедонизмом. При внешнем многообразии этот плебс, как мы видим, уже довольно хорошо организован в потребительские массы. У кошек здесь убирают когти с передних лап, собак лишают земных радостей, пегасов, похоже, осторожно обескрыливают. Еще щеголяя оперением, они уже не могут летать. Сможет ли когда-нибудь этот новый плебс загореться массовым индивидуалистическим вдохновением? Не в последнюю очередь это зависит от присутствия в мире упомянутого выше «малого писателя».

В заключение позвольте мне рассказать притчу об одном советском христианине. Будучи мальчиком в сталинские годы, он носил нателный крест. Поход в коммунальную баню или на медосмотр в военкомате всегда были для него большим испытанием. Все потешались над ним: смотрите, у мальчика крестик на шее, вот умора, богомолка какая! Некоторые кричали: а ну, сними немедленно, а то из школы вылетит! Он не снимал.

Являя собой, таким образом, пример чистейшего индивидуализма в атеистическом тоталитарном обществе, он продолжал носить на шее символ Распятия. Веруя, он не мог, хоть убей, расстаться с этим маленьким предметом отверженности и гонений.

Прошло несколько десятков лет, и однажды он оказался на модном пляже в Ялте. Там все носили крестики на шее: полупреступные новобогачи и их телохранители — «качки», рэкетеры и картежники, бывшие коммунисты и гэбэшники, разбухшие от дольства дамы и стройные проститутки-топлисы... И вот наш христианин неожиданно приобщился к ним, потому что на нем был все тот же его старый крестик, превратившийся вдруг из предмета сокровенности в атрибут моды. Что же мне делать, подумал он, ведь не снимать же мне мой крест из-за того, что они теперь все с крестами? И он его не снял, что дает каждому возможность сделать любые выводы, даже во фрейдистском вкусе.